

МЕТОДОЛОГИЯ ВОСПИТАНИЯ

Саввиных М.
Песнь о счастье
5 – 7

Кердан А.Б.
Учитель и друг
8 – 11

Петров В.
«От той взрывной волны,
летающей круто...»
12 – 16

В год 75-летия Победы в выпусках журнала ВРШ публикуем материалы, посвящённые подвигу нашего народа в самой страшной войне в истории человечества. Предложенные тексты дадут вам возможность провести уроки Победы, глубже осмыслить Историю Великой Отечественной, подвиг учителя на войне, важность нашего отношения к войне для патриотического воспитания. Среди авторов — исследователи, историки, педагоги. Опубликуем и творческие работы учителей и школьников — их сочинения, сценарии, методические предложения. В этом выпуске читайте материалы М. Саввиных, А. Кердана, В. Петрова.

ПЕСНЬ О СЧАСТЬЕ

ПАМЯТИ ВИКТОРА ПЕТРОВИЧА АСТАФЬЕВА

М. САВВИНЫХ

Перечитываю «Последний поклон» — и снова удивляюсь остроумию переживанию счастья, охватывающего всё моё существо. Художник сохранил для потомков-читателей мир, отнюдь не безмятежный, не безоблачный, но... совершенный, как Божий дар, в пределах которого даже боль и горе не наказание свыше, а естественное следствие бытия, и миром, жизнью перемалываются, поглощаются, становятся новой плотью и душой, проникают существование как его особая энергия, необходимый жизненный витамин. Сам Астафьев написал в комментариях к пятому тому своего последнего прижизненного собрания сочинений: «Не вдруг, не сразу, но понял я, что чего-то в «Поклоне» не договорил, «перекосил» книгу в сторону благодушия, и получилась она несколько умильной, хотя я к этому сознательно и не стремился, а всё же жизнь пообтесал, острые углы пообпиливал, чтобы дорогие читатели, советские прежде всего, за них штанами не цеплялись и колени не ушибли. А ведь жизнь тридцатых годов не из одних весёлых детских игрушек и затейливых игр состояла, в том числе и моя жизнь, и жизнь близких мне людей».

Какие уж там «одни весёлые детские игрушки»! Читаешь о маленьком мальчике, жизнь которого мало того что не раз и не два

на наших глазах буквально висит на волоске, так ещё и ревматизм его ломает, и заботы — совсем не детские — отягощают его судьбу, а всё равно — «перекошил» в сторону благодущия». . . словно боится писатель признаться самому себе в этом «постыдном» стремлении — поведать человечеству о счастье!

Убеждена: всё, что создано пером Астафьева, — почти бессознательная, по-птичьему инстинктивная песнь о неисповедимой радости бытия. Вот она встаёт с первыми лучами весеннего солнца: «Сияй, солнышко! Радуй первосветом взор младенца и отразись последнею искрой в угасающем зрачке живого существа, чтобы унёс он с собой отблеск света твоего, как надежду на нескончаемость земной жизни». . . Вот прячется письмом за божницей в горнице у бабушки Катерины Петровны: «. . .кто и сколько сватал тётю Маню. Выходило, что сватали её наперебой, и не только наши, деревенские, но и верховские, заезжие из Даурска, Ошарова, Сисима и аж из Минусинска. А сколько раз в кошеве приезжал из города сам Волков! Фотограф! Приезжал честь по чести, с колокольцами, со сватами, с дружками, с вином сладким и с речами ладными, и с присказками складными, а она, раскрасавица наша, чё? Да ничё! Даже на письмо его не ответила. А уж письмо-то было, письмо-то! Как в старинной книжке писанное — сказывалось всё в нём, будто в песне, любоф, любоф да ещё эта, как её, холера-то? Чувства. За божницей долго письмо хранилось, и как навёртывался грамотный человек, она просила его читать». Вот — плюхается галушками в баке, тиснутом фэззушниками из кухни станционного буфета: «Сверху было жидко. Мы вынули из-под матраса доску, отломили от неё ощепину и шевелили ею хлёбово. Со дна, окутанные серым облаком отрубей, всплывали галушки, и тут, наверху, будто вёртких головастика, с улюлюканьем поддевали ложками. Наевшись до отвала, мы позвали девчонок из соседнего барака и передали им ложки. Галушек в баке почти не осталось, мы их зарыбачили, но хлебать ещё можно было. Девки споро работали ложками и время от времени восторженно взвизгивали — из глубины бака возникала галушка: «Лови её! Чепляй! Не давай умырнуть! Пап-па-а-ала-ася-а-а-а! Рубай, девки, чтоб кровь в грудях кипела!..» — орали мы». И так чуть ли не на каждой странице любого произведения Астафьева — счастье является во всеразличных своих ипостасях, от восторженной, залихватской, разудалой до задумчивой, трогательной или философически напряжённой, по-тютчевски космической. И если уж останавливать эту мысль соображениями о тёмной, болевой стороне астафьевского творчества, то ведь это, наверное, оттуда же — нет большего преступления, чем преступление против счастья; это и есть преступление против человечности — поруганное счастье есть искажённый страданием Божий лик.

Для счастья нужно совсем немного, — словно бы учит нас Астафьев, — счастье — сам человек, покоящаяся в светлой гармонии душа его, которая разворачивается, как древесная почка, в поисках любви и свободной самоотдачи. Зверство и злодейство — пресечь этот божественный рост, посягнуть на его самодостаточную закономерность.

Не про это ли — «Звездопад», «Пастух и пастушка» и поздняя, горчайшая в своей безысходности повесть «Пролётный гусь»?

Наверное, он так и не написал главной книги своей жизни — того романа о войне, к которому шёл долгие годы. . . Книга «Прокляты и убиты» вызвала вместе с восхищением и негодованием (как любая книга Астафьева) ещё и какое-то нездоровое поветрие вокруг автора. Может быть, то была высота, которую ему так и не довелось одолеть? В 1998-м он говорил: «И чем дальше я писал, тем больше убеждался, что писать я не умею. Сейчас, заканчивая итоговое собрание сочинений, я особенно во многом разочаровался, плевался, ругался. . .» Филологи находят, что Астафьеву действительно несвойственно «романное мышление». Как «сделаны» его крупные вещи? Повесть в рассказах. . . повествование в рассказах. . . Не главы, а отдельные рассказы.

Каждый — скорее длинное стихотворение в прозе. Или — поэма, песнь, сочетающая в себе и повествовательные фрагменты, и лирические излияния, которые даже как-то неловко назвать «отступлениями». Астафьевские создания таковы, что между ними и автором вроде бы и нет того необходимого зазора, которого требует принцип условности искусства. Словно бы влилась душа его без остатка в «текст» и... удваивала бытие художника при его жизни? продолжает жить среди нас после его физического ухода? Мистика какая-то... Возможно, мистикой этой могут быть объяснены попытки некоторых лично знавших его людей разделить в своём сознании Астафьева-писателя и Астафьева-человека. Дескать, гениальный писатель, но до чего противоречивая личность! Как будто бывают личности «непротиворечивые»... А Виктор Петрович... думаю, не мог он шагать в белых одеждах среди крови и грязи; осквернилась его детская память не совместимыми с нею страшными ранами — и разве что глухому и зачерствелому до каменной твёрдости чистоплюю достанет духа упрекнуть в том израненного, изверившегося в людской чистоте, одинокого до пустынного звона вокруг писателя, если осталось его творение в мире людей Песнью песней о желанном, поруганном, но вопреки всему воссиявшем счастье...

